

18+

Ирина Мельникова
Под прицелом

Ирина Мельникова

Под прицелом

«Издательские решения»

Мельникова И.

Под прицелом / И. Мельникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512593-4

Кате казалось: вся жизнь впереди. Но война перечеркнула все планы и мечты. Девушку отправили в военный лагерь — готовить еду солдатам, но трудности быта оказались ничтожно малы по сравнению с пленом неприятеля, куда ей довелось попасть. И, возможно, это стало бы финальной точкой в ее судьбе, если бы не встреча с тем, кто неожиданно проявил к ней благосклонность. Можно ли влюбиться в того, кого должен ненавидеть? Есть ли шанс встретиться снова? И как быть, если у каждого — своя война?

ISBN 978-5-00-512593-4

© Мельникова И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	24
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Под прицелом

Ирина Мельникова

Все события и герои вымышлены.

© Ирина Мельникова, 2025

ISBN 978-5-0051-2593-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Птицы поют. Звонко, на разные голоса.

Я лежу на прохладной земле, покрытой травой, на спине, раскинув в стороны руки, закрыв глаза и живя в этот миг лишь ощущениями.

Ветер то набегает, то утихает, треплет волосы по лицу.

Солнце такое яркое, что я чувствую его свет даже сквозь сомкнутые веки.

Деревья шумят едва ощутимо. Листья только начали прорезаться.

Весна... Скоро май.

Мне немного прохладно, но вставать не хочется. Ещё пару минут... Совсем чуть-чуть...

Вдруг сквозь звуки природы отчётливо прорезается один, чужеродный, и я моментально понимаю, что это. Самолёт. Бомбардировщик.

Моментально открываю глаза, подсакиваю, оглядываясь и пытаюсь понять, откуда идёт звук. Так и не определив место, разворачиваюсь и бегу к своим.

А если нас сейчас расстреляют? Если лагерь – их цель? Тогда нужно затаиться где-нибудь в стороне.

Но я бегу к нашим. Пусть лучше убьют вместе со всеми – одной мне не выжить. Гораздо лучше моментальная смерть, чем от голода или страха.

Когда я достигаю лагеря, становится ясно, что бомбардировщик обошёл нас стороной. Сердце колотится как сумасшедшее, однако вокруг всё спокойно. На виду лишь постовые и Сан Саныч, который прошёл две войны и теперь обучает солдат здесь, на месте. Ему лет семьдесят, может, больше. И называть себя так – Сан Саныч – он нам, девчонкам, сам разрешил. Ребята зовут по-разному. Иногда по полной форме: Александр Александрович. Но это тяжело, длинно, путанно. Всем проще «Сан Саныч».

– Что, испугала тебя птичка? – заметив мой переполошенный вид, заявляет он. – Ничего, это дозорные. Местность осматривают, точки отмечают на карте.

– А когда отметят, что будет? – спрашиваю с тревогой, всё ещё вглядываясь в почти безоблачное небо.

– А там от приказов начальства зависит. Могут бомбить, но, скорее, поведут войну тихо. Их цель – столица. Завоюют её – вся страна покорится. Там штаб, там начальство. А мы так, мелкие пешки. Убивать будут, только если подвернёмся.

Сан Саныч по-отечески похлопывает меня по плечу и уходит в палатку, а я остаюсь. Смотрю на часы. Надо бы отдохнуть, всего час до новой смены. Но как сомкнуть глаз в такой обстановке? Я и ночью здесь спать не могу.

Однако всё же двигаюсь в сторону нашей сторожки. Захожу – тихо. Нам, девчонкам, выделили «комфортабельный люкс» по сравнению с некоторыми домами рядом, в которых расположились солдаты. С крышей, тёплым, просторным. Такой только у нас и начальства лагеря. Комнатки хоть и маленькие, но и этого вполне хватает. В одной – самой большой – кухня, где мы готовим три раза в день на весь лагерь, а это двадцать семь человек. Почти все – мужики, попробуй прокорми их. Продукты нам доставляют через день вместе с письмами. Отдельно везут документы из штаба с указаниями. Секретной почтой. Я слышала, что работники этой службы проходят строгий отбор и инструктаж, и в случае внештатной ситуации обязаны сразу же сжигать материалы, чтобы они не попали в руки врага.

Нас в лагере пять девчонок. Я, Люда и Вера – готовим. Наташа и Саша в разведке, хотя девчонок туда берут не очень охотно. Спим мы в двух комнатах. Я вместе с Верой и Людой. Они то ли спят, то ли делают вид. Я тихо-тихо крадусь мимо и ложусь на свою скрипучую кровать с ржавыми пружинами, стараясь не шуметь. Отворачиваюсь к стене, закрываю глаза и беззвучно рыдаю. Слезы льются вопреки воле. Сколько я выплакала уже за последние две

недели? И даже не верится, что всего месяц назад войны не было. У всех нас была нормальная жизнь. Жизнь, которую мы не ценили. Принимали как должное. Ну что такое, в самом деле, проснуться утром, выпить кофе, отправиться на занятия, отсидеть скучную лекцию, на обратной дороге домой выпить кофе с подругами, свободно пройтись по парку, наблюдая за парочками: у них любовь, а у тебя сессия на носу – страшно.

Не того боялась...

Если бы знать...

Закрываю глаза, стираю слёзы.

«Давай же, спи!» – приказываю себе.

Через час снова подъём, бесконечная готовка, но это хотя бы помогает немного отвлечься.

В лагере время тянется очень долго. Так долго, что иногда кажется, дни не проходят, а повторяются.

Первое время я постоянно ждала. Ждала, что раздастся какой-то сигнал, и нас спасут. Что скажут: «Война окончена, мы победили». Но разве война – дело быстрое? Прошло только две недели... А вдруг это будет тянуться годами? А вдруг мне не суждено дожить до конца этого ужаса?

Я мотаю головой, как будто это может помочь отогнать дурные мысли. Как говорит Сан Саныч: «Гарантий здесь ни у кого нет. Разве только одна – все мы однажды умрём. Рано или поздно. А на войне это случится или в глубокой старости – тут уж как Бог даст».

Я стараюсь думать о хорошем. Вспоминаю маму. Я написала ей уже два письма, но ничего пока не получила в ответ. Может быть, до неё не дошла ещё почта? Или её перевезли в другое место?

Я концентрируюсь на приятном – воспоминаниях о прошлом, которые берегу теперь как зеницу ока.

Я проснулась на рассвете и слышала, как во дворе под окнами нашего дома пела компания, подыгрывая себе на гитаре. «И чего им не спится?» – подумала тогда. Ещё лаяла чья-то собака, то замолкая, то вновь заливаясь. Я всё лежала без сна, уютно укутавшись в кокон из одеяла, прижимаясь щекой к тёплой подушке. За окном понемногу светало.

Потом на кухне загремели кастрюли – мама проснулась.

Подтянулся запах блинов и кофе.

Обычное субботнее утро. Обычная жизнь.

А до войны оставалось всего четыре дня...

Конечно, предпосылки несчастья можно было углядеть заранее, но никто не придавал им значения. За несколько недель до войны начался конфликт с Арвенией, вот только кто мог подумать, во что это выльется?

Арвенские самолёты не раз нарушали границы нашей страны, на запросы и протесты не отвечали. Все договоры о сотрудничестве наших стран давно были разорваны. А по телевизору по-прежнему крутили бессмысленные ток-шоу, создавая картинку прекрасной жизни. Пока однажды не начался ужас.словно гром среди ясного неба.

Больше всего я боялась войны. всю свою жизнь. Не темноты, тараканов, высоты или одиночества, а именно войны. Каждый день, каждую секунду жить в страхе – такой судьбы и врагу не пожелаешь.

Это был будний день, меня растолкала мама.

– Катя, вставай!

– Уже? – сонно пробормотала я, хотя ещё было темно.

– Вставай, – нервно повторила мама и ушла на кухню, но я не придавала значения её тону.

Через минуту подняла своё тело с кровати, взглянула на часы. Половина седьмого утра! Зачем она разбудила меня в такую рань?

За ответом пришлось идти на кухню.

– Ну и что это значит? Ты время перепутала?

Был включён телевизор, а по нему без конца, как сейчас помню, весь день шли новости. Страшные сводки. Вот и тогда я увидела первые кадры в левом углу и изображение ведущей, которая всячески пыталась бодриться – в правом. Сообщали, что уже бомбили там и там. Что делает это Арвенция. Наши самолёты пытаются их сдержать и, якобы, даже успешно. Но всё это был просто блеф. Никто и представить ещё не мог всех размахов трагедии.

Услышав о том, что бомбят, я сразу представила это в картинках: над городом летят самолёты и сбрасывают бомбы. А в каждом доме находятся люди. Они спят, скоро им на работу, детей вести в сад, кому-то – в школу. Они скоро встанут и вновь будут строить планы на будущее: на майские праздники собраться с друзьями на шашлыки, летом отдохнуть за границей, через месяц получить продвижение по должности... Но всем этим планам не суждено будет сбыться. Кто-то даже уже не проснётся. Вот так – раз! – и нет ничего: ни мечтаний, ни планов, ни тебя самого.

«Ведь и до нас могут долететь, как долетели до них», – подумала я тогда и тут же ощутила мурашки на коже.

Сколько раз я уже вспоминала об этом, переживая вновь этот миг – самый первый? И каждый раз возникают мурашки... Отнюдь не приятное чувство.

В первый же день войны в стране ввели военное положение и объявили всеобщую мобилизацию. Военнообязанных – на фронт, гражданских – эвакуировать из городов в деревни и сёла, подальше от столицы, которая, вполне очевидно, была главной целью врага.

Наш город бомбёжка миновала. А вот в других – их было около десятка в первый же день – авиационной атаке подверглись вокзалы, заводы, магазины, жилые дома. Несколько раз мы слышали приближение самолётов, видели, как они пролетают над нами, а затем где-то вдалеке мне слышалось, будто стреляют и что-то взрывается. Наверное, это был плод фантазии.

К вечеру всё стихло.

На следующий день мы отправились в пункт сбора по нашему району. Мама просила меня идти строго за ней и не потеряться. А я, хотя и достигла уже совершеннолетия, чувствовала себя маленькой беспомощной девочкой. Мне так хотелось, чтобы кто-то решил проблему. И самым простым было просто идти вслед за мамой, держаться её знакомой спины.

Я видела мам с детьми – совсем маленькими, грудными и постарше. Кто-то капризничал, плакал. Некоторые малыши смотрели умным проницательным взглядом, словно всё понимали. У многих взрослых в глазах была полная растерянность. Нас не готовили к этому. Никто не знал, как вести себя и что будет.

Я старалась не поддаваться панике. Это пройдёт, всё закончится. Кто-то проводил своих мужей и отцов на фронт, а нам с мамой и тосковать не по кому, просто переждём в безопасности, вот и всё.

Когда до нас дошла очередь, мы протянули паспорта. Суровая женщина лет сорока, больше похожая на мужчину, с резкими чертами лица, что-то искала в списках, потом записывала в ведомости данные. И вдруг сказала:

– Вы – сюда, а девушка вон туда, в пункт сбора.

– Какой ещё пункт сбора? – спросила мама срывающимся голосом, и я поняла, что ей так же страшно, как мне.

– Там всё объяснят.

– Мы одна семья.

– Нет больше семей. За Родину воевать надо, – отчеканила тётка.

Тут уж не выдержала я:

– Я никуда не пойду. Объясните, что это значит.

Тогда она сильно упёрлась локтями в стол и пристально посмотрела на меня своими тёмными глазами:

– Это значит, что вас распределят по участкам для помощи российской армии. Это понятно?

– Но я же девушка...

– Её на войну? – ахнула мама.

– Этого я не знаю, – коротко бросила тётка и быстро переключилась на свои бумаги, давая понять, что разговор окончен. Хотя мне казалось, всё она знает.

Мы с мамой помедлили, а потом я сделала шаг ей навстречу и обняла. Мы ничего не сказали друг другу. Только потом, оторвавшись, я прошептала:

– Я дам тебе знать. Я же девушка, они не отправят нас на фронт. К тому же я ничего не умею. Иди, мамочка. – И, не сдержавшись, добавила: – Я очень люблю тебя, слышишь?

Вдруг со мной что-то случится? Никогда не прощу себе, что не сказала ей эти слова.

Я едва сдерживала слёзы. Понимала, что рано прощаться, но чувствовала себя так, словно вижу в последний раз.

В пункте сбора, куда меня направили, было ещё около десяти девчонок. Все примерно моего возраста. Маминой группы было не видно. Я лишь надеялась, что их уже отправили в безопасное место, и она без проблем доберётся живой и здоровой.

Через два часа нас стало в три раза больше, и вот тогда пришёл грубый мужчина, который без лишней учтивости и приветствий скомандовал загружаться в автобус. Мы толком не знали даже, куда едем. С собой у каждой была пол-литровая бутылка воды и пачка печенья – скромный сухой паёк.

По дороге нам дали анкеты с дурацкими вопросами, и я догадалась, что от этого зависит распределение. Честно ответила, что ничего не умею, но, видимо, таких ответов было большинство. Девушек разделили на почти равные группы – медсёстрами (при наличии хотя бы скудных знаний о медицине) и поварами (тут, видимо, брали всех подряд). Я угодила во вторую группу, хотя в жизни не готовила ничего сложнее картошки-пюре. Да и вряд ли на войне кто-то будет требовать от нас разносолов.

Мы ехали около десяти часов. Я то засыпала, то просыпалась. Было душно и неудобно, автобус трясся по дорогам, подсакивая на каждой ямке, коими российские дороги снабжены в изобилии. Интересно, помешает ли это арвенцам хотя бы немного?

Открывая глаза, замечала, что девушек становится меньше. Видимо, по дороге на каких-то участках частично высаживали, распределяя по линии фронта. Я оставалась в числе последних. Нас было трое, когда уже вечером наконец скомандовали выходить.

Так мы и оказались в лагере. Встретили нас по-разному: кто-то настороженно, кто-то радостно. Сразу же поселили в сторожку. Ребята жили кто-то в палатках, кто-то в домах. Не знаю, как они согревались, ночи всё ещё были очень холодными.

Место, где мы оказались, было похоже на вымирающую деревню. Не знаю, оставался ли здесь кто-то жить до эвакуации, но некоторые дома были без стёкол, с латками на худых крышах, зато с остатками резных наличников и ставнями, выцветшими от времени.

Поначалу мне даже не верилось, что это действительно фронт и война. Самая настоящая. Пусть и не огневая линия. Но всего десять часов езды от моего дома.

Нас тут же одели в гимнастёрки, дали вещмешки, вручили инструкцию и приказали расписаться в документах, где говорилось о том, что мы должны защищать свою Родину и всячески содействовать работе фронта.

Первым нас встретил Сан Саныч. Угостил яблоками и шутил, хотя мы почти не смеялись и смотрели на всё настороженно.

Именно он учил нас стрелять уже две недели, пользоваться гранатами и другим оружием. По инструкции мы все должны были это уметь. Изучали маскировку на местности, как ползать по-пластунски, как работают мины...

– Нам бойцы нужны, а не мишени для арвенцев! – кричал начальник, проверяя раз в два дня наши навыки.

И всё это в промежутках между готовкой, в невыносимую жару. Мне казалось, что я упаду сейчас и не встану. Никогда не была физически сильной, а теперь и вовсе оказалась на грани человеческих сил.

Ребятам доставалось сильнее – и крика больше, и нагрузка выше.

А Сан Саныч «утешал»:

– У нас тут курорт. Так, напомним иногда арвенцам, на чьей они земле, встревожим сон, чтобы не расслаблялись, и опять все по норкам. А поближе к столице бомбёжки сменяют обстрелы, и так без конца.

– И что, арвенцы уже близко? – спросила одна из прибывших со мной девчонок. Имени её я тогда ещё не знала.

– Ещё не показывались, – спокойно ответил Сан Саныч. – Но мы работаем на опережение. Ждём.

Мне было трудно привыкнуть к полевой жизни: есть сухую скудную еду, отгонять комаров, беспокойно спать по пять часов в сутки на жёсткой чужой кровати, готовить тазами еду три раза в день. В первые же два дня стёрла в кровь пальцы, начистив столько картошки, сколько, кажется, не умудрилась бы перечистить за всю свою жизнь. Под конец лились слёзы. Но за неповиновение обещали арест, а в случае рецидива, то есть повторного нарушения военной дисциплины – отправят в город, там другие разборки. Какие – мы не уточняли. Объяснял начальник лагеря – мужик лет сорока пяти, весьма неприятной наружности, полулысый, с мелко посаженными глазами, – и его инструктаж был совсем не таким лояльным, как в первый день от Сан Саныча.

Позже Сан Саныч нам объяснил, что бояться не стоит, а просто делать потихоньку своё дело. Это начальник страху нагоняет, чтоб дисциплина была, а без этого никуда.

Инструкции нам выдали даже в письменном виде, а на втором экземпляре мы ставили подписи, и я подумала тогда с горькой усмешкой, что последнее, что в нас умрёт – это бюрократия.

К концу второй недели здесь все бытовые трудности начали притупляться. Я почти перестала их замечать. Ложилась на неудобную кровать, закрывала глаза, и словно через минуту уже наступало утро. И всё по новой.

Однако нереальность происходящего оставалась дольше недели. До тех пор, пока я не увидела дым и не услышала выстрелы. Вот тогда и осознала: это не сон. Это правда война. Это ужасы реальной жизни, которые мы, люди, создаём себе сами.

Боёв на нашей линии фронта всё же не было. Хотя разведка докладывала (от нас, впечатлительных, это скрывали, но я всё же слышала краем уха), что арвенцы уже появились в нескольких километрах отсюда и обустраивают свой лагерь. Что будет дальше – сказать было трудно. Начнутся активные действия? Или каждый так и будет сидеть по свою сторону и ждать атаки?

Однако далеко уходить от лагеря я опасалась. Лишь иногда, как сегодня – побыть в одиночестве, в тишине, и хоть на мгновение представить, что войны нет.

Но она есть. Самая настоящая. И поняла я это впервые, ощутив каждой клеточкой тела, когда увидела первого мёртвого солдата. Он был разведчиком. На вид – мой ровесник. Группа отправилась рано утром, а к вечеру его принесли хоронить. И вот смотрю я – парень лежит молодой, красивый, в новом ещё обмундировании, только прибыл. И уже мёртвый.

Крови мало, пуля в висок угодила. Лежит как живой, только бледный очень. И похоронили его без почестей, даже без плащ-палатки. Прямо в землю положили и зарыли. И мне так его жалко стало. И его родственников, которые никогда не узнают, где он лежит. И домой не дождутся.

Я больше часа рыдала. Пришла на занятия к Сан Санычу с красным опухшим лицом. А он ни о чём не стал спрашивать, просто сказал:

– Чтобы жить иногда нужно больше мужества, чем чтобы умереть. Помереть-то нетрудно. Лечь, смириться, себя пожалеть, сдать. А жить – это тяжело. Жить – это наука. Но и хорошего в этом тоже много. Так что ради этого хорошего и не будем сдаваться.

Это немножко привело меня в чувство.

Второе потрясение было, когда через неделю моего пребывания в лагере привели «языка», то есть арвенца в плен взяли, хотели из него добыть информацию. Я его лишь мельком видела, но и этого было достаточно. До этого я врага не встречала, одни только самолёты попадались. И не верилось, что это правда. Что это война. Настоящая. Ну, летают и летают. Не бомбят, просто курсируют. А тут – враг. В нашем лагере.

Не знаю, что тут с ним делали. И куда он потом исчез. Потому что больше я его не встречала. Слышала только, как Сан Саныч вздыхал:

– Хоть и враг, а всё-таки человек.

И голос командира в ответ:

– Их не жалеть надо, а не ненавидеть. Это не мы к ним, это они к нам припёрлись. Землю нашу топтать, гады, начали. В наших людей стрелять...

Я не дослушала. Ушла. Страшно стало. И от того, что ещё я могу здесь услышать, и потому, что боялась быть застигнутой. Но долго ещё об этом думала. Ничего хорошего, к сожалению, на ум не приходило.

Хорошо хоть с девчонками иногда поговоришь – и станет легче. Всё-таки не одна.

Наша команда сформировалась в течение первой недели. Две девушки, с которыми мы ехали в автобусе, были из моего города. Одна из них на год старше – её звали Вера. Темноволосая, кучерявая, рост чуть ниже среднего, немного смущённая и испуганная. Я смотрела на неё и думала: как могут таких беззащитных девчонок отправлять практически в эпицентр?

Вторая – Саша, разведчица. Её отобрали по физическим данным и психологической выносливости. Она была спортсменкой и увлекалась охотой, так что для неё оружие в руках было делом привычным.

Другую разведчицу звали Наташа, но мы с ней почти не общались. Девчонки постоянно были то на занятиях, то на дежурстве. Да и мы всё время на кухне, при исполнении. Так что больше общались с Людой и Верой.

Люда приехала на следующий день ближе к вечеру. У неё были русые волосы, жёсткий взгляд, в котором сквозил её стальной характер. Немногословная, она и не старалась понравиться, была сама по себе и даже не представилась. Просто заняла свободную койку, легла на спину с книгой в руках и сделала вид, что нас и не замечает.

Мы с Верой сдержанно переглянулись, обменявшись непонимающими взглядами. Задавать вопросы никто из нас не решался.

Первые дни мы присматривались к друг другу. О прошлом не говорили, лишь познакомились, назвав имена и города. Почти все наши реплики сводились к бытовым вопросам: «Подай ту кастрюлю» или «Как думаешь, соли достаточно?».

Готовила лучше всех Люда, это выяснилось сразу. У меня уже после первого дня не разгибались пальцы правой руки от бесконечной чистки и резки овощей. Вера резала слишком крупно, за что постоянно слышала от Люды: «Неэкономно».

Люда как-то сразу выбилась в лидеры. Стала негласным авторитетом среди нас, девчонок. Её побаивались немножко, но уважали.

Два дня назад мы пошли собирать берёзовый сок (хотя я понятия не имела, как это делается), и Вера вдруг остановилась:

– Чувствуете, девчонки? Черёмуха. У меня дома прямо под окном такая растёт. Я на втором этаже жила – открою окно и дышу, радуюсь жизни... – Она помолчала и добавила: – Как думаете, скоро это закончится?

Слово «война» мы не называем. Все и так понимают, о чём идёт речь.

Ответом была тишина. Никаких прогнозов никто дать не мог.

Поэтому Вера предприняла новую попытку вовлечь нас в беседу:

– Девчонки, а как вы попали на фронт?

Рассказывать было особенно нечего, и я в двух словах честно призналась: пришла эвакуироваться, а меня и забрали. Надо маме письмо написать, но где она – пока не знаю. Списки мобилизованных и адреса нам обещали предоставить, да всё тянули. Я писала на домашний адрес, в надежде, что письмо перешлют, но ответа по-прежнему не было.

Оказалось, у Веры история похожая: пришла повестка на второй день войны, так и так, просьба явиться... Адрес и время. За неповиновение – тюрьма. За попытку сбежать – смертная казнь. Вот и вся демократия.

– А ведь, вы знаете, на тот день, когда всё это началось, мы с Сашей – это мой парень – как раз собирались в театр на премьеру. Мы с ним зимой познакомились. На катке. Так смешно. Я упала практически ему под ноги, и он заявил, что никто ещё так сильно не мечтал с ним познакомиться. Я сначала обиделась, но он предложил выпить кофе, и мы быстро нашли общий язык. А теперь – вот... Его призвали, я здесь оказалась. А новое платье, которое на премьеру купила, так и висит в шкафу. Ни разу не надела, – горько хмыкнула она.

– Ещё наденешь, – попыталась взбодрить её я, немного неловко приобнимая за плечи.

А Люда зло буркнула:

– Вот и будешь мучиться теперь, страдать о нём.

– А тебе что, не о ком думать? – вскинулась Вера.

– Не о ком.

– Как же так? А родители?

– Не о ком, я сказала. И говорить тут не о чем. Пойдём работать. А ну!

Однако Вера так просто не отстала. Мы хоть и выполняли порученную нам работу – держали полные сока бутылки, пока Люда лихо вешала новые, однако долго молчание снова не длилось.

– Люд, а ты? Тебя тоже насильно?

– А я сама попросилась, – отчеканила она.

Мы с Верой переглянулись. Ни одна из нас не поняла – в шутку это было сказано или всерьёз.

Вера попыток не оставляла:

– Как так?

– А вот так, – усмехнулась Людмила. – Только не в поварихи хотелось, а воевать. Не взяли. Навыков нет. Ну ничего, это временно. Я к Сан Санычу пристану, он меня всему обучит. Возьмут, никуда не денутся.

Расспрашивать больше не было смысла. Но едва мы вернулись в сторожку, Вера пристала к другим девчонкам. Те оказались более словоохотливыми.

У Саши история ничуть не отличалась от нашей: отправили в приказном тоне. Правда, навыки всё же проверили, и грамоты за спортивные соревнования все учли. А вот Наташина история оказалась ещё трагичнее.

– Нас бомбили. Причём очень жёстко. Никогда не думала, что окажусь в таком аду. Первый раз был ещё ночью, проснулась от страшного грохота. Потом были ещё и ещё налёты, но уже включали тревогу. Никогда не забуду картину: всего секунда – и я вижу, как вспыхи-

вает и горит крыша соседнего многоэтажного дома. Это было так страшно. И ещё когда шла в пункт сбора мимо своей родной школы. Её было почти не узнать: во дворе воронка, стекла выбиты, крыша повреждена – и зловещая тишина вокруг. Сложно поверить в реальность происходящего. В первый же день ближе к вечеру я узнала, что снаряд попал в дом, где жил и мой парень. Мы уже подали с ним заявление, двадцать четвёртого июня должны были пожениться. Весь день звонила, никто не брал трубку. А потом пошла в пункт сбора, а там информационные списки – погибшие, раненные. И их всё несут и несут, эти списки, лепят и лепят на стену, а места уже почти нет... И тогда я решилась. Пошла к другому столу – туда, где в добровольцы записывают, и говорю: «Я готова». Там женщина была чуть постарше моей мамы. Посмотрела на меня из-под очков снисходительно и говорит: «С чего вдруг? Жить надоело?», а я говорю: «У меня парня убили». А она отвечает: «Девушка, вы книжек перечитали? Это война!». Но я настояла. Что ей было делать? Я вдруг почувствовала, что должна это сделать. Должна отомстить. Хоть и была в состоянии шока, но не передумала. Лишь крепче потом утверждалась в этой мысли. Шла домой, думая, как объяснить это маме. Надеялась, мама поймёт. Но она не поняла. Кричала: «Это не игрушки! И отнюдь не романтика! Без тебя отомстят, не сомневайся!» А я ничего ей тогда не ответила. Сказала только: «Я знаю», – и сама удивилась, как голос спокойно звучит. Решение уже было принято. А что мне делать там было, девчонки, в тылу? Постепенно сходить с ума? Если я смогу спасти хотя бы одного человека, а его родителей и близких людей – от слёз, то большей награды мне и не надо.

Мы помолчали. Говорить было трудно.

Тут-то и появилась Людмила. Она успела помыться, волосы были влажными, с них капала вода. Заметив нас, обронила:

– Опять собрание?

Никто не ответил. Только Вера спросила:

– Сейчас тепло, жить хоть можно. А когда снег будет, как мы? Замёрзнем же в этом лагере.

– Когда снег, нас уже не будет, – мрачно ответила Люда.

Я хотела спросить: «А где мы будем?», но вдруг спохватилась. Она ведь не сказала: «Нас *здесь* не будет». Она просто сказала: «Нас не будет». Уже. Вообще.

Разве это возможно? Разве думает кто-то об этом, едва тебе стукнуло восемнадцать или двадцать два года? Почему же мы тогда так рассуждаем? Кто вправе лишать нас счастливого будущего?

За спиной раздаются шаги, и через пару секунд – резкий голос Людмилы:

– Встаём! Три минуты – и смена.

Воспоминания тотчас растворяются.

За час я так и не смогла сомкнуть глаз и отдохнуть хоть немного. Всё тело ломит, голова кружится, да ещё и готовить нужно – снова на двадцать семь человек. Сколько ещё так? Я же не выдержу!

Но выбора нет. Проверять, что с нами будет за непослушание, не хочется. Поэтому я и Вера покорно встаём и, обменявшись сочувствующими взглядами, заступаем на вахту бесконечной готовки.

Глава 2

Когда работа окончена, ещё лишь начинает темнеть, но мне уже безумно хочется спать. Полноценным сном назвать беспокойное ворочание с боку на бок сложно, но так время бежит быстрее и, хочется верить, приближает нас к счастливому дню прежней свободной жизни – когда не надо дёргаться от каждого шума, можно быть рядом с близкими, читать книги, встречаться с друзьями, ходить в кино...

Мы с Верой, едва убрав остатки еды, падаем без сил на кровати. Люда уходит к Сан Санычу, он обучает её мастерству военного дела тщательнее. У Люды всегда много вопросов. Она не оставляет идеи отправиться в бой, а я не могу понять: зачем ей это? Но мы не спрашиваем. Не из вежливости даже, а потому, что знаем – вряд ли ответит.

Сегодня сон накрывает быстрее, и я просыпаюсь всего один раз за ночь.

А утром всё сначала: готовим, потом носим ребятам.

Они смастерили длинный стол и крышу над ним, и в этой импровизированной столовой рядом с нашей сторожкой теперь размещаются в строго отведённое по расписанию время. Поесть – десять минут, а готовить всё это и убирать потом – несколько часов на каждый «подход».

Я несу очередную порцию и слышу как молодой парень, не старше меня, с досадой вздыхает:

– Когда уже в бой? Сидим тут как сычи. Кашу вон, только зря переводим.

Сан Саныч сидит напротив. Взглянул на него из-под густых бровей и спокойно отвечает:

– Успеешь ещё, навоюешься.

Через пять минут все звенят ложками, почти не переговариваясь. Мы с девчонками приступаем к еде позже всех – когда солдаты уходят, и посуда вся перемыта. Я настолько устаю к этому времени, что почти не чувствую вкуса еды – просто заталкиваю её в себя, чтобы не умереть с голоду. А может, это не от усталости, а от нервов?

Люда вновь собирается к Сан Санычу, и я прошусь с ней. Вера не отстаёт. Не потому, что нам очень хочется знать о том, как устроено оружие и как правильно целиться, а чтобы не быть одним и не сойти с ума от горьких мыслей – приходится всё время чем-то себя занимать.

Сначала мы с Верой сидим тихо, наблюдаем, прислушиваемся. Люда сегодня тоже лишь наблюдатель, основной упор на бойцов. Кто знает, когда грянет команда собираться? Все должны быть готовы.

Сан Саныч проводит инструктаж. Это похоже на уроки ОБЖ – нам тоже что-то тогда объясняли про то, как устроено оружие и даже как разминировать бомбу и какие бывают снаряды. Но разве мы думали, что нам пригодится?

Мне то скучно, то страшно на это смотреть. Жаль, что нет книг. Читать я всегда любила, сейчас бы смогла себя занять.

До новой смены остаётся меньше часа, когда ребята наконец уходят на перерыв, и остаёмся лишь мы, девчонки.

Сан Саныч относится к нам с уважением. Говорит, что мы «партизанки». Вот и сегодня:

– Ну что, партизанки? Как жизнь молодая?

– Сан Саныч, покажи мне ещё что-нибудь, – просит Люда в ответ.

– Эх, Людмила, – вздыхает тот, но всё же берёт в руки оружие. – Не женское это дело.

– А что женское? Слезы лить? Жрать готовить? Велика наука!

– Велика. Ты даже не представляешь, насколько. Еда, особенно если она с любовью приготовлена, даёт бойцам силы. Вы, девчонки, невидимый фронт. Наш тыл. Как фундамент – он почти и не виден, но без него ничего невозможно.

Урок длится минут пятнадцать. Потом забегают парнишка и говорит, что начальник требует еды. Командир лагеря ест отдельно, по желанию, и у нас с девчонками уговор – обслуживаем его по очереди, носим в его кабинет.

Сегодня очередь Люды, и она с неохотой уходит. Мы остаёмся втроём.

– Сан Саныч, а зачем ей всё это надо? – спрашивает Вера то, что у меня и самой на языке вертится.

Тот горько усмехнулся, помолчал немного, с любовью провел рукой по оружию, оставил его в сторону и лишь тогда сообщил очень кратко, но весьма доходчиво. Оказалось, её семью при бомбёжке убили в первый же день войны. Люда спаслась лишь потому, что ночевала в ту ночь у подруги. А теперь рвалась на передовую – отомстить.

– И зачем эти войны? – потирая виски, вздыхает Вера. – Ведь как хорошо мы жили!

Сан Саныч усмехается и смотрит на нас чуть снисходительно:

– Когда всё хорошо, может стать скучно. Вот ты ценила то, что имеешь? Возможность учиться, гулять, общаться с родными? То-то же! А сейчас? Всё бы отдала за эту «скучную» жизнь.

– Но это ведь кончится скоро, правда?

Я молчу. Чувствую, как подступают слёзы, и изо всех сил стараюсь сдержать их.

– Кончится, – соглашается Сан Саныч, покачивая головой. – Всё рано или поздно кончается. Главное, не унывать. А то помрём раньше времени. А оно нам надо?

На этом наш разговор прерывается. Заходят пара ребят. Среди них и молоденький парень, который страстно мечтает о настоящем сражении. Кажется, его зовут Саша. И вряд ли он понимает, что такое настоящая война.

Кажется, мы все ещё этого не понимаем. Осознаём лишь одно: случилось что-то неоправимое.

Мы с Верой уходим, чтобы не мешать. Полчаса проводим в сторожке, сидя каждая на своей кровати и разговаривая о той, прошлой жизни. Когда говоришь о ней, кажется, что это всё скоро вернётся. Ты просто спишь или временно выдернут из своих будней, но ничего страшного не происходит, просто временные трудности.

Вокруг тихо. Те две недели, что мы здесь, ни одна пуля не просвистела в округе. Только самолёты порой гудят.

А где-то идут ожесточённые бои. Но у нас пока тихо. Только разведчики не всегда возвращаются...

Потом мы снова готовим, убираем. При этом моросит дождь, так что носить еду приходится осторожно, чтобы не растянуться на скользкой земле вместе с супом.

К вечеру приходят наконец списки мобилизованных, и я с трудом по алфавитному порядку нахожу свою маму, выписываю адрес и больше часа провожу над письмом. Что сказать? С чего начать? Как ободрить её и самой не оставить слёз на бумаге?

«Здравствуй, мамочка!»

Сегодня наконец-то узнала твой адрес и сразу села писать. Ты даже не представляешь, как мне хочется тебя обнять, поцеловать, прижаться хоть на минутку!

У нас всё спокойно. Меня и ещё двух девчонок назначили ответственными по кухне. А в лагере, между прочим, двадцать семь человек! Так что скучать, сама понимаешь, некогда. Готовлю я средне, но ребята не жалуются. С девчонками тоже нашли общий язык. Живём в доме, так что есть и крыша над головой, и своя кровать – грех жаловаться.

Расскажи о себе. Где живёшь, с кем общаешься, как себя чувствуешь?

Очень хочется верить, что у тебя всё хорошо!

А ещё верю, что всё это скоро закончится, и мы снова вернёмся домой.

Целую тебя крепко-крепко и очень люблю.

Катя».

Я запечатываю письмо и оставляю в специальной коробке. Завтра её заберут. Мне так хочется, чтобы мама скорее получила от меня весточку и улыбнулась. Не представляю даже, как она волнуется сейчас, не зная, где я и что со мной.

Телефоны у нас отобрали сразу же, ещё в пункте сбора. Говорят, по ним легко можно вычислить всё – и месторасположение, и уж тем более подслушать разговор и прочитать переписку.

Очень хочется нормально помыться, но в ближайшее время такая возможность вряд ли появится, поэтому, пока ещё есть время, я беру за компанию Веру (Люда спит, её не тревожим), и мы отправляемся в самодельный душ – очень тесная кабинка в отдалении от лагеря, воду в ведрах надо брать снаружи, поэтому мы помогаем друг другу. Потом нужно принести воды для тех, кто будет мыться после нас. Дело это муторное и занимает всегда не менее часа. Ребята справляются быстрее, но ведь у них и волосы раз в пять короче.

К третьей смене – ужину – я обычно без сил. Вот и сегодня режу картошку и чувствую, как дрожат руки, и комната вокруг чуть покачивается. Но давать слабину нельзя. Девчонки вдвоём не справятся, да и я – что за боец? Надо стараться!

И я стараюсь. Режу, режу, режу – и, кажется, никогда после этого уже не смогу есть картошку. Терпеть её не могу!

Потом мы носим еду на стол. И когда я возвращаюсь в сторожку за новой порцией, чувствую, что небо как гигантская карусель начинает вращаться. Тело обмякает, а затем я погружаюсь в непроглядную тьму. Потом – приглушённые голоса и нестерпимая боль в висках – вот что я помню. И тошнота – не сильная, но изнуряющая.

Сознание возвращается постепенно. Сначала мир наполнился голосами, шуршаниями, скрипами. Потом пришла память. Потом боль в висках. Мне почему-то казалось, что, если открою глаза – боль усилится. И вдруг ощущаю, что руку кто-то поглаживает и говорит:

– Катя!

А потом запах какой-то...

Я открываю глаза и вижу, как от моего носа убирают вату. Нашатырь. Точно. Когда-то в школе я уже падала в обморок, и тогда меня приводили в чувство точно таким же образом.

Передо мной на корточках сидит врач, а рядом – человек десять солдат. И все смотрят. Да уж, хлеба и зрелищ у нас давно не было.

Мимо к столу проходит Людмила, и я провожаю её взглядом. На обратном пути через десять секунд она перехватывает мой взгляд и недобро так фыркает:

– Молодец. Хорошая тактика.

Но я отнюдь не собиралась отлынивать от работы! Наоборот, держалась из последних сил. К нам подбегает Вера. В руках аптечка – большой такой ящик с таблетками.

– Эта? – спрашивает у врача.

Тот кивает и ловко вытаскивает из волшебного чемоданчика нужное средство. Даёт мне воду и маленький круглый шарик.

– Что это?

– Глюкоза. Пей давай, тебе полезно. И на сегодня больше никаких нагрузок. Это от стресса. Бывает. Ничего страшного.

Вера провожает меня до кровати, и я наконец обретаю покой. Напоследок шепчу:

– Прости, пожалуйста.

Она удивлённо вскидывает брови:

– За что?

– Мы посуду ещё не помыли.

Вера качает головой, словно я говорю какие-то глупости, и машет рукой:

– Не переживай. Справимся. А ты давай, спи. Через пять минут приду и проверю.

Но едва она скрывается за дверью, меня накрывает.

Теперь, когда никто не видит и не надо казаться спокойной и ко всему безучастной, ничуть не напуганной, я остаюсь совсем одна, и слёзы отчаяния текут из глаз.

Мне, словно в детстве, хочется обнять маму. Но она сейчас далеко.

Хочется под тёплый плед, который остался дома. Укрыться бы с головой от проблем и согреться.

А как бы мне хотелось чего-нибудь сладкого! Я раньше жить не могла без конфет! Но из сладостей теперь – только шарик глюкозы, и то когда падаешь в обморок.

Я закрываю глаза и приказываю себе считать овец. Где-то после трёхсотой слышу шаги – вернулись девчонки. Скоро всё смолкло. Я начинаю сбиваться со счёта и не замечаю, как падаю в пропасть беспокойного сна.

Ещё один день окончен. А сколько таких впереди?

Глава 3

Затишье не может быть вечным. И однообразной жизни в лагере тоже пришёл конец. Причём, конечно же, совершенно неожиданно.

Утром всё было как обычно – подъём, умывание, завтрак на всех, потом перерыв. Ребята отправились на занятия, Люда занялась стиркой, Вера писала письмо маме, я вспоминала стихи из школьной программы – глупость, конечно, но это отлично отвлекало. Других приятных занятий у меня не было, а допускать, чтобы мысли резвились во всю и портили мне настроение было нельзя.

И вот, сижу я на кровати, наблюдаю за Верой, никак не могу вспомнить строчку из письма Татьяны Евгению Онегину и борюсь с собой: спросить у Веры (вдруг она помнит?) или не отвлекать?

И вдруг... Сначала мне кажется, что я ослышалась. Тишина. Вроде бы ничего странно.

И тут – снова. Доносящийся откуда-то издалика звук.

Это выстрелы.

Мы с Верой переглядываемся, и у неё в глазах я вижу отражение своего чувства – страх и беспомощность, вот что внутри.

Я не понимаю, где именно стреляют – близко или далеко, но моё сердце бьётся как сумасшедшее. Мне хочется заткнуть уши, чтобы ничего не слышать. Пусть прекратится!

Но звук нарастает. Потом всё затихает.

Вера выбегает на улицу первой. Я стараюсь не отставать.

Там уже полно народу – все, кто в лагере, оказались у импровизированной столовой с длинным столом под навесом. Я слышу, как кто-то произносит:

– Там же наши... Разведка.

И вспоминаю про Сашу и Наташу, которые вместе с ребятами ушли рано утром. Неужели по нашим бьют?

Кровь леденеет в жилах.

Я непроизвольно прижала руку к губам и с полнейшим ужасом, ожидая указаний, уставилась на командира.

И, надо сказать, не я одна.

Он раздумывал лишь пару мгновений. А затем назвал несколько человек и забрал с собой в кабинет.

Выстрелы стихли. Возможно, под обстрел попали не наши ребята, а из соседнего лагеря. Но ведь они тоже русские, тоже наши.

Стрелять свои не могли – не было такой команды. Разве что в крайнем случае.

Через пятнадцать минут из сторожки командира выходят всё те же лица. Несколько человек отправляют оценить ситуацию, остальным дают команду быть готовыми к бою в любой момент. Обстановка становится до ужаса напряжённой. Нам уже пора готовить обед, но ни я, ни Вера не можем пошевелиться.

Я перевожу взгляд с одного бойца на другого, пытаюсь отыскать Людмилу. Она стоит вдалеке, у самого входа в нашу сторожку, всё с тем же отстранённым и жестковатым выражением лица, с которым говорила тогда о том, что её дело – воевать, а не готовить. Неужели и впрямь не боится? И могла бы пойти убивать?

Я даже в страшном сне не могла бы представить себе такое.

А если всё же придётся решиться?

Однако додумать не успеваю. Командир останавливается на середине пути в свой кабинет, поворачивается к нам и жёстко роняет:

– А вы что стоите? Выполняйте обязанности!

Это немного приводит нас в чувство. Пусть и с тяжёлым сердцем, с пугающей неопределённостью, мы всё же идём готовить. Обед никто не отменял. Однако в этот раз за столом собирается куда меньше народу, и сопровождает трапезу напряжённое молчание. Эту тяжесть ощущаешь в воздухе. Все словно ждут, притаившись. Ждут новостей, новых выстрелов, приказа действовать.

Мы с девчонками успеваем убрать со стола и наскоро перекусить, когда за окном, на улице, вновь начинается какое-то движение. Тут же выбегаем наружу и видим: на носилках несут раненых.

– Господи! – только и выдыхает Вера за нас троих.

У меня в этот миг отнимаются ноги и чувство речи. Я не могу пошевелиться. Даже вдохнуть не могу. Мне страшно. Страшно увидеть, что там наши девчонки – разведчицы, с которыми мы делим одну крышу над головой.

Это делает Люда – стремительно шагает вперёд, в тот дом, который оборудовали под медицинский пункт. Раненых размещают рядом. Слышится стон... Живые...

Носилок двое. А сколько ушло? Если считать тех, что отправили перед обедом – не меньше пяти человек.

Одного из ребят, которых отправили недавно, я вижу живым и здоровым. Он докладывает что-то командиру с сосредоточенным выражением лица.

Знаю, что нас, девчонок, вряд ли посвятят в курс дела, поэтому остаётся дожидаться Людмилы. Она пробивная – узнает, расскажет.

Люда возвращается через несколько минут.

– Там Саша. Ранена в плечо, но не сильно. Угрозы жизни нет. Главное, чтобы зараза не попала, – чётко и по делу сообщает она.

– А Наташа? – с испугом лопочет Вера.

– С Наташей, сказали, всё хорошо. Осталась на задании. Нарвались на арвенцев лоб в лоб, те открыли огонь. Все живы. Но, кажется, ночью готовится сражение.

Я закусила губу и прижала ладони к груди.

Это что же, наших мальчиков отправят на бой? Сегодня ночью?

Ни о каком сне и отдыхе речи нет. Мы подходим к Саше, стараемся заболтать её, пока врач делает перевязку и колет обезболивающее. Потом помогаем добраться до кровати и болтаем между собой до тех пор, пока девушка не забывается сном.

Я чувствую, как слёзы подступают к глазам, но изо всех сил втыкаю ногти в подушечки пальцев, чтобы почувствовать боль и отвлечься. Не сразу, но всё же удаётся.

Ужин проходит в каком-то сомнамбулическом состоянии. Я с ужасом жду ночи.

Хочу улучшить момент и спросить у Сан Саныча, что нас ждёт – может, он знает, – но не получается. Его то не видно, то он говорит с кем-то ещё. Но судя по тяжёлой обстановке в лагере, что-то действительно намечается.

С приходом темноты ребят действительно отправляют в бой. Это замечает Вера, услышав шум за окном. Приподняв занавеску, она тихо шепчет:

– Ребят отправляют.

Я подбегаю поближе. Видно плохо, но всё же понятно, что сборы не просто так, для тренировки. Парни с маскировкой, оружием. Кто-то перешнуровывает ботинки, присев на корточки, кто-то осматривает оружие. Вижу Сан Саныча, которого окружили несколько человек, что-то спрашивают. Потом появляется командир, говорит несколько фраз, ребята приставляют к козырькам руки и, выстроившись в неровный ряд по два человека, уходят. Кажется, отправили человек пятнадцать – большую часть бойцов.

Несмотря на то, что я остаюсь в относительной безопасности, мне очень страшно. Я не знаю, как уснуть, зная, что сейчас наши мальчишки совсем близко к врагу и, может быть, кто-то из них не вернётся.

Нет! Нет! Даже думать об этом не буду!

Ещё около часа мы с девочками проводим при тусклом свете в пронзительной тишине, лишь иногда роняя несколько фраз или наведываясь к Саше, которая то просыпается, то засыпает.

– Где же Наташа? – несколько раз спрашивает Вера, но ответа ни у кого нет.

Однажды Наташа уже не приходила. Но тогда она была с Сашей – они то спали, то дежурили по очереди, а теперь... Может, с кем-то в паре из мальчишек-разведчиков? Думать об ином – страшно и тяжело.

Время тянется жутко медленно. Но вокруг тишина, и постепенно я чувствую, как тяжелеют веки. Люда к тому времени уже легла спать, словно ничего и не случилось. Наградил же Господь крепкой психикой!

Вера тоже постепенно перемещается в состояние полулёжа, потом ложится и, наконец, я вижу, что она уже дремлет. Сил сражаться с усталостью дня больше нет, и я, скинув обувь, следуя её примеру, наведавшись ещё раз в соседнюю комнату к Саше.

Ночью меня будит звук. Просыпаюсь я практически одновременно с Верой, и мы, не стовариваясь, подбегаем к окну. Через мгновение к нам примыкает и Люда. Тускло видны вспышки разрывов. Они напоминают зарницы.

– Началось, – произносит Людмила.

И мои лёгкие сдавливают невырвавшийся наружу крик отчаяния.

Нельзя поддаваться панике.

Но, кажется, в этот момент война становится для меня осязаемой.

Я не встречала её так близко: бомбёжка обошла наш город стороной, в лагере было тихо, лишь обстановка «военная» – больше похоже на сборы. Я и арвенца-то никогда в жизни не видела! Так только, «языка» – да и то издалека.

А теперь – выстрелы. И знакомые мне ребята, с которыми мы жили здесь почти две недели – там, под угрозой.

Я сжимаю руку и сама не замечаю, как начинаю шептать слова молитвы. Люда смотрит скептически и возвращается на кровать.

– Лучше нам сейчас попытаться уснуть, – говорит она, хотя я не представляю, реально ли это. – Завтра три смены никто не отменял. И, возможно, наша помощь понадобится раненым.

Я не понимаю, как она может говорить об этом с таким спокойствием.

Наташа не вернулась. Ещё около пятнадцати человек отправили в бой. Нас самих уже завтра может не быть! А она предлагает выспаться.

Мы с Верой ложимся, но уснуть не удаётся. Я то проваливаюсь в дрему, то вновь просыпаюсь, прислушиваюсь – тихо. Потом, кажется, снова какой-то гул.

Вера тоже вертится. Я слышу, как постанывает в соседней комнате Саша и хочу подойти к ней, но меня опережает Людмила.

А потом начинается утро.

Вернее, фактическое бодрствование, потому что рассвет чуть забрезжил, когда шум со стороны улицы нарастает, и, подбежав к окну, я вижу, что вновь несут носилки, идут ребята, и выбегаю на улицу к ним.

Мне страшно. Картина потрясает сознание. Вся медицинская часть обставлена носилками с ранеными. Но потом я слышу:

– Мы не могли их бросить. Надо похоронить по-человечески, табличку сделать, – и понимаю, что это не раненые. Среди них и погибшие.

Мне становится физически дурно, и я сажусь на траву прежде, чем подкашиваются ноги.

«Дыши, дыши глубже», – приказываю себе.

– Катя? – моего плеча касается рука.

Я поднимаю глаза и вижу Веру.

– Всё в порядке, – говорю я самую неуместную сейчас фразу.

– Наташа вернулась, – заявляет она. – Живая.

Я выдыхаю. Хотя бы это. Живая.

Подойти и посмотреть на погибших просто нет сил. Через пять или десять минут я слышу, как командиру докладывают:

– Четыре бойца погибли, шесть раненых.

Тот нецензурно ругается.

– Распорядиться о подкреплении, – слышу приказ.

– Надо похоронить, – робко вставляет чей-то голос.

– Да, надо, – совсем другим, немного потерянным голосом соглашается командир и уходит.

Настроение царит мрачное.

Следующий час уходит на процедуру погребения. Я всё же нахожу в себе силы встать и посмотреть, кто погиб. Нужно проститься. И вижу парня – молодого, не старше нас, который не далее, чем вчера, рвался в бой. Вот и всё. Кончилась его война.

Двое других чуть постарше. Лицо одного изуродовано, так что я лишь по рассказам понимаю, кто это. Четвёртому лет сорок – но разве это возраст, чтоб умирать?

Какое-то время слышится лишь шёпот ветра и звук земли, бьющейся о лопату. Я не могу это выдержать и ухожу в сторожку. В комнату к Саше приносят самого тяжёлого раненого. Это Витя – весёлый и беспечный балагур-весельчак – таким мы его все узнали. Он умел разрядить обстановку, внести ярких красок в наше напряжённое ожидание чего-то страшного. Я слушала его иногда и представляла, каким он был раньше, в нормальной жизни. Всегда желанный гость в любом дружеском застолье, покоритель женских сердец и острослов. Но сейчас он имел вид столь жалкий и растерянный, что сердце невольно сжалось от боли. Война никого не щадит. И пуля летит без разбору – в парней и девчонок, молодых и поживших, оптимистов и ворчунов.

Витя явно старался сдержаться, не пугать окруживших его любопытных девчонок, но, заметив врача, не смог скрыть – в его глазах светился вопрос и надежда.

– Доктор... – только и сказал он.

– Тихо-тихо, – ответил врач и начал свои процедуры, оставив лишь Люду как ассистентку.

Мы с Верой вышли, занялись готовкой. Ни одна из нас не обронила ни слова.

Когда наливали чай, я снова чуть не заплакала. У молодого паренька, которого сегодня не стало, была своя кружка – смешная такая, с Микки Маусом. Он торжественно вручил нам её в первый день и сказал, что пить будет только из этой – захватил с собой, и она будет напоминать ему о доме. Только вчера он пил из неё свой чай. А сегодня – так странно – кружка с Микки Маусом есть, а его нет... Я не знала, что с ней делать. Отставила в сторону.

Вера это заметила, и в её глазах тоже застыли слёзы.

Мы ничего не сказали друг другу.

Завтрак прошёл в молчании. Солдат за столом было гораздо меньше, и добавки сегодня никто не просил. Все молчали. Все усердно пытались делать вид, что ничего не случилось. Знают, что завтра и их могут так же, но вида не подают. Это называется владеть собой.

В обед обстановка не лучше. Несколько раз в нашу сторожку заходит врач, но мы с Верой так и не решаемся спросить, как Витя и стало ли ему лучше. А Люда молчит. Вышла из комнаты, помогла нам с готовкой и сразу к Сан Санычу.

А вечером Вити не стало. И его место в комнате занял другой раненый.

Глава 4

Утром я разлепляю глаза от того, что кто-то трясёт меня за плечо.

Открываю глаза – это Вера. С мрачным лицом, ни тени улыбки, хотя обычно она жизнерадостная – насколько это возможно в такой обстановке, конечно. Но вчерашний день всех подкосил.

Нам ничего не рассказывают, но из разговоров во время завтрака становится очевидно, что помимо погибших и раненых есть несколько человек, которые не вернулись. Возможно, их убили и не нашли. Но, вероятнее всего, взяли в плен. Судя по лицам солдат – это даже хуже смерти. И пусть знают они совсем немного и выдать информацию не смогут даже под страшными пытками, но каково это – быть среди чужих, полностью под их властью? Они ведь точно будут пытаться выудить информацию, подготовиться к новому бою.

После завтрака солдаты разбредаются, задерживается лишь Сан Саныч. Смотрит на нас, поникших девчонок, исподлобья, и улыбается:

– Ну, что пожухли? Рано нос вешать. Мы, русские, медленно запрягаем, зато как поедём! Ничего, покажем им ещё все наши достопримечательности. Так запомнят – больше вовек не сунутся. А вы должны дух создавать боевой, поддерживать наших ребят. Пуля труса найдёт, а смелого не возьмёт.

И он поднялся, тяжело направляясь в свою палатку.

«Третья война на счету, – подумала я. – За что это всё человеку?»

Правда, о тех двух я знала лишь из уроков истории. Они были не на нашей территории, российских солдат лишь отправляли на помощь дружественным государствам. Но нашей семьи это всё не коснулось. До сей поры.

Только когда всё необратимо переворачивается с ног на голову, понимаешь, как счастливо ты жил.

День проходит в относительной тишине. К счастью, все живы и тяжёлых больных больше нет. Саша уже ходит и даже улыбается. Наташа вернулась к обеду, сообщив, что всю ночь наблюдала за неприятелем и – вот смелая девчонка! – насчитала в плену семь человек. Двое наших. Из нашего лагеря. Но информация не окончательная, возможно, есть и другие ребята.

– Зачем им пленные, если они ничего не знают? – интересуюсь я, опасаясь услышать жёсткую правду.

– Они смогут выменять их потом на своих солдат. Если договоримся.

– Арвенцы тоже попали в плен?

– Могли попасть в соседние лагеря. Может, командир пошлёт кого-то из нас туда или отправит письмо с запросом, чтобы узнать информацию.

Засыпаю сегодня я легче, но ночью всё равно несколько раз просыпаюсь и мучаюсь от воспоминаний и страшных мыслей: «Что дальше?»

После первой смены – завтрак – нас отправляют за водой. Здесь никто не считается в этом плане с тем, девушка ты или парень, тяжело тебе или нет. Есть слово «надо». И так как почти половина бойцов у нас по тем или иным причинам оказались неспособными выполнять обязанности по обеспечению лагеря к жизнедеятельности, обязанность носить воду для приготовления еды и душа легла на нас. Времени на отдых осталось ещё меньше, но это теперь не пугает: лишь бы не быть одной, не замыкаться в своих мыслях и чувствах.

Нам в провожатые дали Ваню – парнишку примерно нашего возраста, чуть ниже среднего роста, довольно бойкого.

У нас, девчонок, оружия не было, поэтому в случае чрезвычайной ситуации нести ответственность и защищать нас должен был он. Хотя, по правде говоря, об опасности мы не думали. До озера было идти минут семь пешком.

Лес сегодня был тихий, даже ветра не было слышно. Птицы пели – ещё не всех распугала война.

Мы с девчонками шли гуськом вслед за Ваней, у всех были вёдра – огромные, но такие, чтобы под силу было унести. Это уже второй наш заход на сегодня. Пальцы болели ужасно, даже разогнуть их было трудно, но каждая из нас сжимала зубы, набирала полное ведро, не халтуря, и тащила до лагеря по штучке в каждой руке.

Несколько раз на обратном пути мы делали передышку, но ненадолго, потому что до начала второй смены оставалось уже совсем немного, а мы надеялись успеть набрать воды ещё один – третий – раз.

Я набрала воду быстрее девчонок и на пару секунд застыла у воды, любуясь мелкой рябью. Вот бы побыть здесь подольше, набраться спокойствия, подышать свежестью, а ещё лучше – окунуться в воду. Хотя сейчас холодно и купаться в воде ещё нельзя.

– Слышите? – вдруг произносит Вера, резко распрямляясь, и лицо её мгновенно становится застывшей от страха маской.

Мы с Людой и Ваней тоже начинаем прислушиваться, но вокруг тишина.

– Показалось, – пожала плечами Люда и наклонилась, чтобы набрать воды в другое ведро.

И тут слышен звук – словно хрустнула ветка. Вряд ли от ветра. Будто кто-то на неё наступил.

И мне становится так страшно, что будто парализует на месте. Ни рукой не могу шевельнуть, ни ногой. Кто бы это ни был – зверь или человек, хорошего от него не жди.

– Так, девчонки, быстро берём ведра и уходим, – тихо командует Ваня.

Никто не сопротивляется. Даже бойкая Люда примолкла.

Но едва мы делаем несколько шагов вдоль дорожки, случается невероятное. С трёх сторон на нас налетают ребята в маскировке, и даже по мимолётному взгляду можно понять – они не свои. Их четверо, в нашу сторону направлены ружья. Один из них что-то говорит на своём языке, но я не понимаю.

У нас есть два варианта: сдаться или попробовать бежать.

И тут командует Ваня:

– В разные стороны, быстро!

И мы, не сговариваясь, бросаем вёдра и бежим прочь.

Я не вижу остальных, не знаю, куда бегу, только чувствую, как в ушах гремит сердце. Не знаю, было ли мне когда-нибудь страшно *настолько*.

Но уже через пару секунд всё заканчивается.

Я вижу, что прямо передо мной – аренец с ружьём наготове. И целится прямо мне в лоб. Даже не понимая, что делаю, я приседаю, чтобы избежать пули. Но он не стреляет, хватает меня под локоть, тащит к дереву и прижимает спиной к стволу. Я зажмуриваю глаза и шепчу лишь два слова: «Господи, помилуй! Господи, спаси!»

А потом слышу выстрел. И к горлу подступает тошнота.

Затем ещё один.

Мамочки!

Мне хочется закричать, но я боюсь даже открыть глаза. Только думаю: «Ну, вот и всё! Вот и всё...»

Глава 5

Арвенец что-то командует.

Я понимаю, что мне, и открываю глаза.

Смотрю на него непонимающе. Он показывает рукой: вставай!

Я повинуюсь.

Что дальше? Не знаю.

К нам подходит ещё один парень. У них очень плотная защита, жёсткие лица, и я не могу понять, сколько им лет? Тридцать? Сорок? Мне сложно сосредоточиться и думать о чём-то. Как получилось, что на моей родной земле меня держат под дулом пистолета чужие люди, а я целиком в их власти? И помочь мне никто не может...

Они говорят о чём-то, иногда поглядывая на меня. Наверное, обсуждают мою дальнейшую участь.

Я робко озираюсь по сторонам и вижу, что ещё двое чужаков стоят в отдалении рядом с телом. Это девчонка. Понять, кто именно, я не могу: формы у нас одинаковые, лицо у неё повернуто в другую сторону, а рассмотреть фигуру мешают солдаты.

Горло вновь перехватывает. Убили! Убили...

По щекам начинают катиться слёзы.

В этот момент в плечо утыкается дуло винтовки и начинает подталкивать меня в сторону. Я шагаю в заданном направлении. Двое идут впереди, двое – позади. Девушку бросили. И я надеюсь, что она всё же ранена, а не убита. Хотя внутренний голос подсказывает мне, что так бы они её не оставили – добились бы или тоже взяли с собой.

Думать об этом нет сил, и я просто иду, стараясь думать о лучшем. А лучшее сейчас лишь одно – я всё ещё жива. Но при этом не знаю, что будет дальше.

Мы идём не по тропинке, а какими-то холмами, хотя, судя по всему, арвенцы дорогу отлично знают. Может быть, не однажды ходили сюда и выслеживали наших.

Несколько раз они обращаются ко мне, но скоро до них доходит, что по-арвенски я не знаю ни слова, и дальше они говорят между собой и даже смеются. Мне мерзко всё это слышать, но я молчу, глядя лишь перед собой, чтобы не споткнуться. В голове роятся возможные варианты, что со мной могут сделать и куда ведут – один хлеще другого. Но отогнать эти мысли я не могу.

Не знаю, сколько мы так идём. Сил уже не осталось. Я думаю о том, кто будет кормить теперь наших парней... И подкрепление ещё даже не прибыло.

Наконец я вижу их цель – местный лагерь. Чужой лагерь в маленькой русской деревне. Несколько покосившихся домиков, крепкие широкие палатки, чугушки с дымящейся кашей и сладким запахом. Хорошо устроились, гады!

Меня ведут дальше, вглубь всего этого маскарада, и все смотрят вслед, скалят зубы в насмешке. Больше всего мне хочется плюнуть хоть одному из них в рожу, но я понимаю, что эта попытка будет приравнена к самоубийству – такое мне не простят. А потому опускаю голову, смотрю только под ноги и иду. Стараюсь твердить про себя слова Сан Саныча, что мы им ещё покажем. Он уже две войны прошёл, не может ошибаться.

Наконец один из провожатых открывает передо мной дверь дома, меня сильнее толкают внутрь, и я оказываюсь перед крепким мужиком лет шестидесяти, в погонах – не знаю, как называются эти его «почётные звёзды» на плечах. Они отличаются от наших, громоздкие, рваной формы.

Он ест, поднимает на нас глаза и, спокойно, не прерывая трапезы, указывает пустой ложкой на стул в отдалении. Меня подталкивают туда, и я жду, пока он закончит обед.

Кого-то из девчонок убили, вчера лишили жизни ещё несколько человек, многих ранили, Витьки не стало, а он – человек, который отдаёт на это приказы – спокойно ест, и совесть не мучает. Может, потому, что нет её, этой совести? Не всем даётся.

Я осторожно осматриваюсь по сторонам, скашивая глаза и стараясь не вертеть головой.

В комнате пять человек, не считая меня. Двое провожатых, которые привели меня. Один громила по стойке смирно стоит у двери. Четвёртый работает кем-то вроде ассистента у командира. Это я поняла по тому, что, как только их главный закончил трапезу, тот сразу же взялся убирать его место, а после, получив команду, куда-то отправился чуть не бегом. А один из моих провожатых, получив вопрос, стал рассказывать, как всё прошло.

Ну, это я так думаю, оценивая ситуацию. Я на арвенском знаю лишь несколько слов, которые вряд ли помогут мне выжить: «шубенштат» – что означает «выполнять» (так нам командовала учительница иностранного языка, давая задание), «пур лейон» («доброе утро»), «пур айкон» («добрый вечер») и ещё «ёр лювен то» – потому что признание в любви мы с подружкой знали почти на всех языках. Это было своеобразной забавой в детстве – кто выучит больше.

Арвенский я учила несколько месяцев в начальной школе, а потом мама перевела меня в группу с более популярным языком – английским. Так что мои знания были скудными, и я совершенно не могла разобрать, что они говорят, да ещё и так быстро. И если они захотят выпытать из меня информацию (которой я не владею), то вряд ли получится – мы говорим на разных языках. И даже если я в чём-то призналась бы – как понять мою речь?

Я быстро осматриваю комнату, в которой мы находимся. Дом сохранил обстановку прошлого века и дух того времени, когда не было войны. Разве можно было предположить, что его займут чужаки? И куда, интересно, делись жильцы? Хочется верить, что их успели перевезти в безопасное место.

Пространства в комнате немного: низенькие окошки со старыми хлипкими рамами и облупившейся белой краской, прямоугольный стол, несколько стульев, зеркало на одной из стен – главарь чужаков подходит к нему и наклоняется, чтобы видеть себя. Приглаживает волосы, возвращается к столу, присаживается на его поверхность и хитренько так, мерзко на меня смотрит. Я и не стараюсь быть дружелюбной. Смотрю исподлобья, глаза мечут искры. Обидится? Пусть убивает! Но плясать под их дудку не буду!

Тут дверь открывается с небольшим скрипом, и по звуку шагов я понимаю, что входят двое. Первым идёт тот – прислужник. Он отдаёт честь главарю и занимает место справа. Следом подходит ещё один в форме – высокий, подтянутый. Это всё, что я вижу, потому что стоит он спиной. Тоже отдаёт честь и слышит что-то в ответ. Поворачивается ко мне и делает несколько неспешных шагов навстречу.

Едва его глаза сталкиваются с моими, на секунду мерещится, что я вижу в них удивление, смешанное с растерянностью. И, кажется, я понимаю, с чем это связано. Не ожидал увидеть девчонку?

Я смотрю на него всё тем же злым взглядом и поражаюсь: даже среди подонков бывают красивые люди. Какая несправедливость! Интересно, кем он был в довоенной жизни? Кем все они были?

Парень замирает в нескольких метрах от меня, смотрит сверху вниз и произносит:

– Вставай.

Он говорит это на таком чистом русском, что я сперва ушам своим не поверила.

Не может быть! Наш? Предатель?

Но потом понимаю, что внешность у него всё-таки не типичная русская. Скорее, он просто знает два языка, и именно он будет выпытывать из меня информацию.

– Вставай! – жёстко повторяет он.

И я повинуюсь.

Ко мне неспеша подходит главарь.

Тот, что командовал мне, отступает.

Главарь невысокий, чуть ниже меня, но подходит почти вплотную и, явно чувствуя своё превосходство, понимая, что я целиком в его власти, усмехается. Глазёнки мерзкие, скользкие. И я даю себе слово: если он попытается тронуть меня хоть пальцем – я жизни не пожалею, но издеваться над своим телом не дам.

Главарь отступает на шаг, и, чуть повернув голову, не отводя от меня глаз, бросает несколько фраз тому парню.

– Завтра ты поведёшь группу к своему лагерю и покажешь место стоянки, – переводит тот.

Я отрицательно качаю головой, сжав губы и не произнося ни слова.

Главарь ухмыляется. Вряд ли он ждал от меня другого ответа.

Он снова бросает несколько слов.

– Значит, мы подождём.

Ещё несколько фраз по-арвенски, и я слышу продолжение:

– У тебя есть два варианта: либо ты умираешь от голода, либо соглашаешься сотрудничать.

Я без страха (и откуда только силы взялись!) смотрю прямо в глаза главарю и бросаю с отвращением:

– Я прямо сейчас могу сделать выбор. И не изменю его.

После короткой паузы, словно раздумывая, парень переводит мои слова.

Главарь смеётся и отвечает.

– Посмотрим, что ты скажешь через несколько дней.

Потом он бросает отрывистое «шонк!», меня грубо хватают за руки с двух сторон выше локтей и ведут к выходу. За домом – сарай. Там и бросают на землю, только снаружи, связывая мне руки и ноги, привязывая, словно собаку, к какому-то колу. Прекрасная жизнь!

Несколько часов я провожу в одиночестве, слыша лишь голоса и чужой язык, но все они – с другой стороны, мне не видно.

Всё, что я имею из возможных развлечений – видеть иногда пролетающих в небе птиц и разглядывать дом напротив. Он ничем особо не примечателен – полуразвалившийся, стёкол кое-где нет, на некоторых окнах ещё сохранились обветшавшие наличники, крыша покрылась мхом. Забора нет, территория вокруг заросла, лишь к накренившемуся и полуразрушенному крыльцу ведёт тропинка. Рядом висит ящик для корреспонденции – слово «почта» уже не разглядеть, краску смыло дождями. Вид у дома унылый, и, я полагаю, внутри он не лучше. Интересно, что у них там? Кто-то живёт? Но сейчас, похоже, внутри никого.

Иногда, примерно раз в полчаса, мимо проходит постовой, патрулируя территорию. Он не смотрит на меня, хотя первые несколько раз, заслышав приближающиеся шаги, я пугаюсь. Потом привыкаю. Даже осмеливаюсь разглядывать его, пока он шагает мимо. Парень совсем молоденький, лет двадцать, но видно, что выполняет свою роль со всей важностью и ответственностью доверенной миссии. Мне почему-то становится грустно: я понимаю, что постовым его поставили лишь потому, что не жалко – если нападут на их лагерь, первым под пули попадёт именно он, но зато успеет предупредить всех остальных. Понимает ли он это? Добровольно ли шёл на фронт или у них брали всех, не спрашивая?

Стало смеркаться. И снова шаги. Я прислушиваюсь и напрягаюсь. Это не часовой – шаг быстрее и чётче. Но долго мучиться в неведении мне не приходится. Я вижу переводчика. Его нетрудно узнать из-за статной фигуры и яркой внешности. Он проходит мимо, заходит в дом напротив и быстро выходит – через пару минут, – кинув на меня короткий взгляд.

Нестерпимо хочется пить, и он мог бы меня понять, но я не стала и заикаться об этом – всё равно ничего хорошего не дождёшься.

К ночи всё смолкло. Лишь постовой продолжает свой дозор. Теперь уже другой, чуть постарше, но с тем же непроницаемым лицом и грузом возложенной миссии, которая так и читается во всём – походке, осанке и взгляде.

Спать невозможно. От неудобной позы болит спина, руки и ноги затекли от тугих завязок, желудок требует пищи.

«И ведь меня вряд ли пойдут спасать, – уныло думаю я. – Не настолько я ценный кадр. Тогда что будут делать? Заморят голодом? Лучше уж разозлить их и пусть убьют».

Всю ночь я пытаюсь приспособиться хоть как-нибудь, чтобы найти более-менее удобную позу и уснуть, но это почти невозможно. Я то пугаюсь каких-нибудь звуков (филин ухнул, опять шаги, голоса, и даже в тишине мне мерещится скрытая угроза), то сильнее чувствую боль во всём теле. Да и ночи в апреле холодные, так что к рассвету зубы стучат от холода, и я, ощущая полнейшую безнадежность, понимаю, что жить остаётся недолго. Лишь пути смерти разные. От голода? От холода? От пули? От пыток?

Утром мне удаётся ненадолго сомкнуть глаза, но засыпаю я, кажется, ненадолго, и теперь ко всему прочему добавилась головная боль от бессонницы. Сил почти нет. Долго я вряд ли протяну, и эта мысль меня даже радует.

Я снова слышу шаги и поворачиваю голову к источнику звука.

Переводчик.

Смотрит на меня безо всякого выражения и, подойдя ближе, начинает развязывать путы.

Я молчу и наблюдаю. Думаю: «Врезать ему, что ли, и попробовать бежать?»

Но куда я денусь отсюда?

Зато тогда меня точно сразу убьют.

Но нет, эту мысль отмечаю. Умереть я всегда успею. Надо ещё побороться.

Закончив с верёвками, он командует:

– Вставай!

Я подчиняюсь. На меня нападает такая апатия, что я, как послушный робот, иду впереди, подчиняясь командам. И понимаю, что ведут меня вновь в дом главаря.

Сегодня там лишь постовой у входа, сам вожак, его помощник и мы с переводчиком. Судя по всему, арвенский командир в отличном расположении духа. При виде меня он улыбается, и я понимаю, что для меня это вряд ли сулит что-то хорошее.

Он без фуражки, и я невольно подмечаю, что он уже лысоват, да и вообще, мерзок немножко. Это даже если не учитывать того, что я ненавижу его априори – потому что он враг и мучитель.

Меня сажают на стул. Главарь опять присаживается на крышку стола напротив и внимательно изучает моё лицо.

Затем что-то коротко спрашивает, и я слышу:

– Как спалось?

Это звучит как издёвка. Это все понимают. И я молчу.

– Скажи, что ты делала в своём лагере? – слышу опять перевод и, недолго подумав, решаю сказать:

– Готовила.

Брови главаря взлетают вверх. То ли потому, что я всё же заговорила, то ли от неожиданного ответа. Ну да, не разведку поймали, что ж делать?!

– И какое блюдо ты умеешь готовить лучше всего?

Я усмехаюсь и, глядя прямо в глаза подонку, произношу:

– Яд.

Переводчик молчит.

Главарь смотрит на него, ожидая ответа. Наконец тот произносит короткое слово на арвенском и, судя по выражению лиц обоих, я понимаю, что врать он не стал и перевёл точно.

Спустя пару мгновений, полных зловещей тишины, в комнате раздаётся оглушительный смех. Это главарь развеселился. Рада, что ему моё чувство юмора пришлось по вкусу, но теперь-то он знает, что эксплуатировать меня в качестве повара лучше не стоит – не ровен час, отравлю всё арвенскую армию.

Он подходит ко мне и хватает мой подбородок рукой. Пытаюсь уклониться, но он держит крепко. Что-то говорит, но переводчик заткнулся. Наверное, мне действительно этого лучше не знать.

А потом отпускает меня и достаёт из кармана брुक... нож.

Я судорожно сглатываю. А главарь машет рукой своему помощнику и, когда тот подходит, вручает оружие и что-то командует, показывая на мои ноги.

Кажется, в этот момент я забываю про то, как дышать. Хочется кричать, но я молчу. Наблюдаю за тем, что происходит, и не могу поверить, что это со мной. Не могу до тех пор, пока не чувствую боли.

Меня толкают на стул, чтобы я снова села. Острие ножа касается ткани у икры ноги и ползёт вниз, сдирая кожу. Я понимаю где-то в глубине сознания, что протыкает он не сильно, не до кости, но боль такая, что я начинаю кричать, и слёзы брызжут из глаз.

Главарь усмехается, а потом поднимает руку и говорит что-то, останавливая пытку.

Ткань на ноге уже пропиталась кровью. Я не кричу, но постанываю, изо всех сил впиваясь ногтями в жёсткое сиденье стула и закусывая губы.

Не знаю, сам ли помощник главаря меня пощадил или ему приказали лишь припугнуть – я понимаю: могло быть хуже. Но это не спасает. Мне **ОЧЕНЬ** больно.

Главарь что-то бросает мне в грубой форме и кивает парню, мол, переводи.

– Завтра вернёмся к беседе, – слышу я.

А потом он отдаёт честь и выводит меня. Однако, едва я пытаюсь встать на раненую ногу, всё тело пронзает жгучая боль. Я снова кричу и едва не падаю. Парень буквально тащит меня на себе, а я едва за ним успеваю.

К счастью, до того места за сараем, где я провела ночь, не больше тридцати шагов, но и они даются с диким мучением! Я стараюсь сдерживать стоны, но это почти невозможно. Для меня – человека, который никогда не подвергался никаким пыткам и ни разу в жизни ничего не ломал – эта боль кажется предвестником скорой смерти.

После того как я снова надёжно привязана, он не уходит, садится рядом, но на расстоянии. Достаёт из внутреннего кармана куртки книжку в мягком переплёте и начинает читать.

Первые полчаса или, может, минут сорок, провожу в агонии. Верчусь с боку на бок, не находя себе места, пытаюсь зажать рану руками, чтобы остановить поток крови, плачу. Всё это время арвенец ведёт себя так, словно вокруг ничего и не происходит. Дважды мимо проходит безучастный постовой – опять молодой парень, но уже не тот, что вчера. Сколько их тут человек? Явно больше, чем наших.

Постепенно боль притупляется, кровь уже не идёт, и я рискую осторожно задрать штанину и осмотреть свою рану. Вижу, что парень рядом косится на меня, но при этом не произносит ни слова.

Нога перепачкана, но рана и впрямь не глубокая. Кровь застыла коркой, и я подкатываю штанину и выпрямляю ногу, вытягивая её вперёд в не очень удобной и неестественной позе – так, чтобы рана была сверху и подсыхала.

На какое-то время из-за боли и переживаний я даже забываю о том, что уже почти сутки не ела. Но когда становится легче, желудок напоминает о себе вновь.

Слышится звук вроде гонга, и переводчик уходит. Похоже, сегодня у них на завтрак шашлык. Неплохо живут. Запах стоит настолько умопомрачительный, что от голода и без того раздражённый желудок сводит ещё сильнее.

Примерно через пятнадцать минут парень возвращается. Я за это время успеваю подумать о том, что, к счастью, успела написать письмо маме. Какое-то время она будет спокойна, что с дочерью всё хорошо. А потом...

Переводчик возвращается, садится на своё место и вновь достаёт книгу. Я сижу к нему полубоком и прекрасно могу его видеть. У него зелёные глаза, перебегают со строчки на строчку. Я не очень часто разглядываю цвет чужих глаз, но эти выделяются невероятным оттенком бирюзы. Наверняка в прежней жизни именно эта его особенность была одной из отличительных черт, привлекающих женский пол. Восхитительный каприз природы. Я ни у кого не встречала таких.

Спустя время он снимает головной убор, и я вижу тёмно-русые волосы. Они слегка взлохмачены. Высокий лоб, прямой нос, ярко очерченные скулы. Высокий рост, но при этом парень хорошо сложен и не выглядит длинным и несуразным. А ещё у него изящные пальцы. Я называю такие «аристократичными» – длинные, ровные и красивые, как у пианиста.

Мне не хочется этого признавать, но он очень красив.

Интересно, кем был в прежней обычной жизни? И кого там оставил? Родителей? Девушку? Женским вниманием он явно был не обделён.

Я почти усмехаюсь от горького осознания, что думаю не о том. Какая мне разница? Может быть, именно эти руки меня и убьют.

Наверное, если бы я сидела дома и смотрела кино с таким сюжетом, подумала бы, что умирать от пули красивого парня даже приятно. Но это моя жизнь, а не кино. И умирать не хочется ни при каких условиях и обстоятельствах.

Хотя, возможно, из всех вариантов смерти это красивая финальная точка.

Вот до чего докатился современный мир: раньше симпатичные рыцари спасали девушек от драконов, теперь – лишают жизни по требованию драконов.

То ли от скуки, то ли забыв о страхе, я решаюсь спросить:

– Меня убьют?

Нет ответа. Он даже глаз не отрывает от книги, но я внимательно слежу за ним и вижу, что читать он перестал – глаза уже не бегают от строчки к строчке, а замерли на одном месте.

– Когда? – спрашиваю снова, хотя надежды получить ответ уже нет.

Вероятно, он просто выполняет приказ. И сейчас этот приказ – охранять.

От кого? Если ночью я не сбежала, то уж теперь, с больной ногой – тем более.

Я больше не говорю ни слова, и парень вновь погружается в чтение.

Прислонившись к шершавой стене сарая и запрокинув голову, я закрываю глаза и считаю овец. Вот бы уснуть.

На какое-то время мне даже удаётся выпасть из реальности, а потом опять звучит гонг – у арвенцев обед.

Переводчик уходит, потом возвращается. Он несёт железную плоску и кусок хлеба в одной руке и алюминиевую кружку – в другой.

Молча ставит передо мной и садится за чтение. Снова.

Я смотрю на всё это и не прикасаюсь. Какая-то липкая каша в тарелке – похожа на переваренную овсянку. В кружке вода. Вряд ли кипячёная. Наверное, из озера. Уважение внушает лишь кусок хлеба, и я с удовольствием набросилась бы на него, но не могу. Гордость сильнее голода.

Через минуту парень отрывается от книги, долго смотрит на меня и произносит:

– Ешь. Не отравленное.

Я смотрю на него, потом на тарелку – всё это с видом презрения.

Нет, не буду. Лучше умру.

– Нельзя заранее смиряться. Нужно хоть что-то делать, – неожиданно произносит он, и я смотрю на него полным удивления взглядом.

Он, кажется, тут же понимает, что сказал лишнего, и вновь утыкается в книжку.

А я, подумав, всё же решаюсь попробовать пищу, которая не внушает доверия и не возбуждает аппетит. Но есть что-то надо. В желудке уже больше суток ничего нет.

Каша на вкус противная. Хоть бы соли добавили. Но всё-таки это еда, и я глотаю, не жуя.

На «десерт» у меня хлеб с водой – и я смакую с большим удовольствием, стараясь растянуть это мгновение.

Несмотря на то, что еда почти безвкусная, желудок насыщается. И тут же хочется в туалет. Интересно, он знает такое русское слово?

Пересиливая себя, произношу:

– Мне надо в туалет.

Он смотрит на меня, потом забирает пустую посуду и уходит.

Что? Я должна сейчас сходить под себя, пока его нет?

Но если придётся терпеть ещё час, так и будет.

Переводчик возвращается прежде, чем я решаюсь на что-либо, отвязывает меня, и я впервые чувствую к нему благодарность. Всё-таки не придётся унижаться ещё сильнее.

Деревянный туалет находится за домом, который я за минувшие сутки уже изучила взглядом вдоль и поперёк. Парень охраняет снаружи. Я быстро делаю свои дела и выхожу. Иду впереди, он сзади. Опять появляется мысль сбежать, но куда?

Меня привязывают, и когда он берётся за ноги, я прошу:

– Может, не надо? Я всё равно никуда не смогу сбежать, мне больно.

На секунду его руки замирают, но потом он всё же заканчивает своё дело и занимает место сторожа.

Ещё полчаса мы проводим в молчании. Книгу он больше не достаёт, просто сидит, прилонившись спиной к сараю и глядя прямо перед собой.

Какое-то время я рассматриваю его, почти не таясь. Потом мне это надоедает, и я занимаю ту же позу, что он.

– Как тебя зовут? – вдруг доносится до меня его голос.

Он всё так же сидит и даже не повернул головы в мою сторону.

Я задумываюсь над ответом. У меня три варианта: не говорить ничего, соврать или сказать правду. Я выбираю последнее.

– Екатерина.

Жду, что и он представится, но он молчит.

Больше мы не произносим ни слова.

А через час его сменяет другой парень. Я лишь спохватываюсь напоследок:

– А если я захочу в туалет, как ему объяснить?

Подумав несколько мгновений, он говорит:

– Сделаешь так, – и ударил ребром одной ладони по другой. Потом на арвенском объяснил тому парню, что это значит. Тот кивнул и занял своё место. Тоже с книгой. Какие они тут все умные и образованные!

Желудок наполнился едой и успокоился. Рана уже не саднит, и мне удаётся уснуть. К ночи снова становится голодно, но больше еды мне не приносят, приходится довольствоваться тем, что есть. Я без сил засыпаю снова и думаю напоследок о том, что уснуть и не проснуться – всё-таки лучший вариант из возможных.

Глава 6

Я просыпаюсь от холода. Вокруг темно и почти ни звука.

Дёргаюсь, чтобы сменить положение тела, и парень рядом, который тоже спит рядом, но на расстоянии (наверное, чтобы я не убила его ненароком), тут же открывает глаза и включает фонарь.

Я вижу, что это опять переводчик.

Обхватываю себя руками и отворачиваюсь от него.

Через мгновение слышу шаги – они удаляются.

Ушёл?

Но спустя минуту или две он возвращается и набрасывает мне на плечи пальто. Может быть, стоило проявить гордость и скинуть то, что принадлежит арвенцам, но было уже не до глупых принципов.

Я просовываю руки в рукава, запахищаюсь поплотнее, подтягивая к груди ноги и укрывая их тоже, а пальцы прячу в карманы и что-то нащупываю в одном из них.

Пару секунд мне нужно на то, чтобы определить предмет и извлечь его наружу.

Это хлеб. Целых два куска.

Я смотрю на парня с непониманием.

– Это тебе. Ешь, – произносит он так, словно его это ничуть не касается, и отворачивается. Сам боится своей доброты?

Упрашивать меня дважды не стоит. Ещё бы попить, но совсем уж наглотать я не решаюсь.

– Зачем меня охраняют? Вчера никого не оставляли, – задаю мучающий меня вопрос, не особенно рассчитывая на ответ.

Но он раздаётся:

– Чтобы ты не умерла.

А затем гаснет свет – переводчик выключил фонарь.

Ах, вот оно что. Значит, я им нужна живая? Вдруг рана воспалится или обморок приключится.

Но зачем?

Знаю, что это мне не расскажут, поэтому больше ничего не спрашиваю и, согревшись, на удивление быстро засыпаю.

Утром никого рядом нет. Позади сарая раздаются весёлые голоса, звучит чужой язык. Выстрелов третий день не слышно. Интересно, сколько будет длиться такая война и в чём её суть? Или это только на нашем фронте затишье, а в других местах идёт бой? Сан Саныч ведь так говорил.

Новостей нет никаких, и, возможно, я просто в неведении, а столицу давно захватили. Но тогда мы не сидели бы тут. С нами быстро расправятся, свернут лагерь и будут праздновать. А звона бокалов и всеобщего ликования пока не слышно, значит, быстро мы не сдадимся. Вернее, вообще не сдадимся. И скоро это докажем. Вот бы дожить...

Спустя какое-то время второй сторож приносит мне ту же плошку с едой и воду – без хлеба. И это кажется сущей трагедией, но я молчу и жую. Давлюсь, если сказать точнее. Но желудок благодарен и за эти скромные подачки.

Потом начинается дождь, и меня переводят в сарай. Здесь холодно и грязно, помещение полутёмное, свет попадает лишь через щели в стене, но это гораздо лучше, чем мокнуть на грязной земле.

А ещё здесь есть люди. И по одному только взгляду я понимаю – это свои. Тоже пленные. Некоторые – измученные. Но зато свои, русские!

Едва один из них пытается сказать мне слово, его грубо пинает арвенский ботинок. Общаться нам не дают. Охраняет здоровый дядька лет сорока – такого можно ставить вышибалой в любой ночной клуб.

Пальто, которое мне принёс ночью переводчик, остаётся со мной, и я укутываюсь в него как в кокон, стараясь отгородиться от взглядов и мыслей, но это невозможно.

Дождь бьёт по крыше и кое-где попадает внутрь сарая – там быстро образуются лужи, но до меня вода не дотекает.

Когда непогода прекращается, нам приносят еду – всё ту же противную кашу, – а к вышибале присоединяется ещё несколько арвенцев и среди них – переводчик. Они начинают беспрерывно общаться на своём языке, даже посмеиваются.

Подарить бы им это ощущение мучительного страха. Когда с ужасом ждёшь рассвета, каждую минуту думая: «А что дальше?». Вдруг он станет последним в моей жизни?

Переводчик, правда, не участвует в их демагогии, но это слабое утешение. Ему ещё жить, а мне – умирать.

По лицам окружающих я вижу, что помощи от русских они уже не ждут. Вряд ли свои здесь появятся. А даже если и так – нас успеют взорвать. Не зря же собрали всех в одном месте.

И каждый из нас точно знает – это не блеф. Постоять за нас некому.

А жить всё равно очень хочется.

На следующий день назревают перемены. Нас строем выводят из помещения, и, когда я впервые за сутки вновь вижу свет, глаза зажмуриваются сами собой. Остальным, думаю, и того хуже. Сколько они провели взаперти?

Сил идти почти нет – плохое питание, постоянный страх и недосып дают о себе знать. Нога побаливает, поэтому я иду, хромая. Нас ведут строем – по одному конвоиру впереди и позади, ещё один курсирует то вперёд, то назад, иногда подталкивая оружием особенно нерасторопных.

Я быстрым взглядом окидываю таких же мучеников, как я. Нас человек девять-десять. Я – единственная девушка в строю. Нам так и не удалось пообщаться, поэтому откуда они – не знаю. Вижу двоих из нашего лагеря – тех, кто считался пропавшими без вести. Значит, всё-таки они здесь, в плену. Мы перебрасываемся взглядами, но по-прежнему не говорим друг другу ни слова.

Дорога занимает около десяти минут. Нас выводят из лагеря, но не говорят, куда и зачем. Замечаю, что к нашей «компании» присоединяется и переводчик. Я пытаюсь перехватить его взгляд – даже не знаю зачем, – но тщетно. Он смотрит строго перед собой, как делали постовые. Это у них выучка такая или чтобы не выдать своих чувств? Что они, интересно, чувствуют в такие моменты? Страх? Угрызения совести? Или, может быть, радость от того, что избавились ещё от одного русского?

Почему-то мне кажется, что нас ведут на расстрел. Или всё же обменивать на своих пленных, что вряд ли. В нашем лагере не было ни одного арвенца, не считая «языка», но того уже давно не стало.

Мы идём и не смотрим друг другу в глаза, чтобы не выдать страха. Все понимают, что ничего доброго сегодняшние изменения и этот «выгул» нам не сулят.

Идти тяжело, но я стараюсь не отставать. Впереди и позади – свои же, но под конвоем. Интересно, если бы мне предложили узнать, когда закончится моя жизнь, я согласилась бы открыть эту тайну для себя раньше времени? Наверное, нет. Страшно ведь жить приговорённым.

В тишине слышны лишь шаги нашей колонны. Никто не разговаривает, даже арвенцы.

Наконец мы приходим на залитую солнцем поляну и нас «тормозят». Слышен окрик, и даже перевод не требуется, чтобы понять это «жёнке», что значит: «стоять».

Нас выстраивают в один ряд, а после один из конвоиров, которому, видимо, временно делегировали полномочия главаря, проходит вдоль строя и смотрит на каждого, явно выбирая жертву.

Я с ужасом смотрю, как он приближается. Уже совсем близко.

Остановился. Взглянул мне прямо в глаза.

Хочется, как в школе перед контрольной, мысленно зашептать: «Только не я!».

Мне страшно. Страшно так, что все поджилки трясутся.

Я не смотрю на него, стараюсь сосредоточиться на зеленеющей траве под ногами, но чувствую его тяжёлый взгляд.

Сколько времени проходит? Секунда? Две? Три? Вряд ли много, но мне кажется, что время застыло.

А потом он отходит к следующему. И тыкает пальцем прямо в него, бросая отрывистое и резкое: «доне».

Это «доне», наверное, будет сниться мне до конца жизни, потому что я была на волосок от смерти. Ведь всего пару секунд назад, когда арвенец рассматривал меня и решал внутреннюю дилемму, он мог бы сказать это «доне» в мой адрес. Но что-то ему помешало.

Двое постовых тут же хватают моего соседа под руки и тащат в центр поляны – прямо перед нами. Мы видим его профиль, арвенцы – лицо.

Я не успеваю хорошенько разглядеть их жертву. Мне кажется, ему лет тридцать пять, но я не уверена. Он лишь поднимает руки вверх и жалостливо причитает:

– Пожалуйста, не надо... Я не хочу умирать.

В секунду один из постовых вскидывает оружие на плечо и делает выстрел.

Мёртвое тело словно мешок нелепо падает на землю и замирает.

Убийца смотрит на нас полным безжалостной злости взглядом и цедит сквозь зубы какую-то фразу.

Переводчик доносит до нас её смысл:

– Так будет с каждым, кто откажется содействовать арвенской армии.

Почему же ты, милый, в глаза нам не смотришь? Страшно тебе самому стало? Стыдно? Неприятно? Но ты такой же! Такой же как они! И если скажут тебе завтра убивать, а не переводить – пойдёшь и будешь всаживать пули в людей без разбора.

Мне уже не столько страшно, сколько омерзительно смотреть на этих *нелюдей*. За что убивают? Ради каких таких принципов? Одного убили и ещё несколько человек – всю его семью – сделали несчастными. Сволочи!

Все молчат, потрясённые, и ждут, что дальше.

А дальше – продолжение пытки.

В нескольких наших ребят тыкают пальцами и выставляют вперёд. Показывают на дерево неподалёку и заставляют копать в этом месте могилу. Никто ещё толком не понимает – это для только что убитого или для всех нас. Откуда-то берутся лопаты. Три штуки – ровно по количеству вызванных бойцов. Возможно, их нёс последний конвоир, я не видела.

В гробовой тишине ребята копают, и с них льётся пот. Это от страха. От изнурительного нервного напряжения.

Я понимаю, что их используют сейчас не столько в качестве физической силы, сколько для показательного урока: следующим может стать каждый из нас.

Пытка продолжается минут десять. Наши ребята опускают бойца в свежерытую могилу, один из них даже осмеливается перекрестить погибшего, за что тут же получает тычок в бок оружием. И всё это – в пугающей тишине. Слышно только, как глухо падает земля.

Мне страшно. От того, что он уже не увидит солнца и наступившего лета – оно ведь непременно наступит, будем мы живы или уже нет, не поговорит с друзьями, не подарит цветы

своей девушке или жене, не обнимется с мамой. Но ему уже точно не страшно. Для него бой закончен. А нам дальше жить...

Один из парней рядом со мной тихо плачет.

Среди закапывающих могилу есть совсем молодой паренёк, почти подросток. Он весь белый, руки трясутся. Наконец разгибается и произносит:

– Можно я передохну?

– Нет, – получив перевод, рявкает арвенец.

– Одну минуту.

– Я сказал, нет! Продолжаем. Ну!

Перевод мы слышим без надрыва, это временно главнокомандующий надрывается, чувствуя власть.

Я смотрю на переводчика, и на этот раз мне удаётся поймать его взгляд. Всего секунда, но он не выглядит довольным всей этой сценой. Похоже, не всех война воодушевляет.

Потом нас строем ведут обратно, закрывают в сарае с двумя конвоирами и оставляют без пищи до самого ужина. А потому поступившую наконец кашу все едят до дна даже несмотря на отсутствие вкуса.

Я уже жалею, что оказалась здесь вместе со всеми. Снаружи было пусть холоднее, но всё же не так мучительно страшно. Я видела свет, на меня не взирали постоянно двое арвенцев и не окружали такие же мученики, как и я, создавая атмосферу полнейшей безысходности.

Переводчика больше не присылают, к главарю нас не водят и пытками не устрашают. Время тянется мучительно долго, и всё, что остаётся – предаваться тяжёлым мыслям, спать время от времени, есть дважды в день и иногда выходить на прогулку – по одному в туалет. Но не когда мы хотим, а по расписанию. Утром и вечером. Правда, больше и не нужно, потому что кормят нас скудно, и даже короткие выходы в туалет даются с трудом – сил очень мало.

Я стараюсь думать о хорошем. Вспоминаю, как ездила с друзьями в столицу, свой выпускной, первую любовь, повторяю мысленно стихи и даже умудряюсь напевать про себя, чтобы не сойти с ума – то, что пела мне в детстве мама или часто слушала я сама в плеере.

Вспомнила, как смотрели с мамулей в субботу вечером фильмы по телевизору, а она непременно пекла какой-нибудь пирог, я посыпала сверху шоколадной крошкой или рисовала что-нибудь сливочным кремом. Такой «ритуал» у нас был раз в месяц.

Не забыла и про то, что сегодня мамин день рождения. Календаря в сарае, конечно же, не было, но я про себя считала дни в плену. Сегодня – шестой. Второе мая.

Один из пленников заболел. Сначала тихо покашливал, потом началась лихорадка. Глядя на его измученное лицо, даже в полутьме помещения было понятно, что температура у него зашкаливает за норму. Но всем наплевать. Свои смотрели с сочувствием, но ничем не могли помочь. Арвенцы лишь бросали неприязненные взгляды в его сторону, но ничего не предпринимали. У мужчины даже не было сил поесть, и его тарелку с нетронутой кашей каждый раз уносили обратно. Его ничем не лечили.

А потом он исчез. Мы просто проснулись утром, а его нет.

Никто ничего не сказал. Всем и так было ясно.

После этого случилось ещё одно ЧП. Следующей же ночью. Трое сбежали. Среди них и двое парней из моего лагеря.

Я просыпаюсь от шума. Нас поднимают, выводят на улицу, зажигают фонари. Стоит ночь, но почти весь лагерь здесь. Видно, что ситуация «выдающаяся».

Я не сразу понимаю, что случилось. Смотрю на тех, с кем делила кров последние несколько дней и, на свой страх и риск, склонившись к парню, стоящему рядом, шепчу:

– Что происходит?

– Сбежали, – отрывисто отвечает он. – Три человека.

У меня перехватывает дыхание. А если нас всех сейчас расстреляют? А с ними что будет? Удалось ли оторваться от погони и скрыться в лесу?

Всю ночь нас держат на улице, не дают даже сесть. А вокруг так холодно, но ещё больше – страшно. Пальто переводчика осталось в сарае и согреться мне нечем.

Сам он находится здесь же, и, хотя к нам не обращаются, стоит в стороне и наблюдает за происходящим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.